

УДК 398.2(=511.132)
ББК 82.3 (2Рос-Коми)

Мотив божьего наказания за разрушение храмов в устных рассказах верхневычегодских коми

Алексей Николаевич Рассыхаев

(Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН:
167982, ГСП-2, Российская Федерация, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26)

Аннотация. *Статья основывается на полевых экспедиционных материалах начала XXI в., записанных от верхневычегодских коми в Корткеросском районе Республики Коми. На основе аутентичных текстов впервые дана характеристика устных рассказов с мотивом божьего наказания за осквернение церквей и часовен в фольклорной традиции верхневычегодских коми.*

Современные записи показывают, что нарративы о разрушении храмов не уходят из репертуара вместе с поколением рассказчиков-очевидцев, а продолжают функционировать в устах неочевидцев событий. Помимо этого, мотив божьего наказания почти всегда сопутствует святотатству. Разрушители наказываются скорой смертью (гибелью на войне, в результате несчастного случая), болезнями, увечьями, расстройствами рассудка. Божье наказание распространяется как на осквернителей, так и на членов их семьи (вплоть до седьмого колена). Святотатством считается как разрушение храма, сброс крестов, куполов, осквернение икон, так и использование церковного кирпича и культовых предметов в хозяйственных целях. В фольклорной традиции коми не акцентируется внимание на национальной принадлежности разрушителя храма, что было замечено в украинской традиции. В образе осквернителя чаще фигурируют мужчины из своего села, представители советской власти (коммунист, партийный человек, председатель колхоза/сельсовета, милиционер и т. п.), выполняющие указания начальников.

Замечено, что устные рассказы на коми языке имеют много общего с русской фольклорной прозой в трактовке событий и функционировании мотива божьего наказания за разрушение храмов.

Ключевые слова: коми фольклор, устная несказочная проза коми, устные рассказы, разрушение церквей, божье наказание.

Публикация подготовлена в рамках плановой темы НИР «Поэтика фольклора народов Европейского Севера России в синхронии и диахронии» (рег. № 121051400044-2).

Дата поступления статьи: 17 июня 2024 г.

Дата публикации: 25 июня 2025 г.

Для цитирования: Рассыхаев А. Н. Мотив божьего наказания за разрушение храмов в устных рассказах верхневычегодских коми // Традиционная культура. 2025. Т. 26. № 2. С. 60–71.

DOI: <https://doi.org/10.26158/ТК.2025.26.2.004>

В последние несколько десятилетий фольклористы во время экспедиционных работ все чаще стали фиксировать рассказы о разрушении в советские годы православных святынь (церквей, часовен, монастырей, крестов и т. п.). Исследователями традиционной культуры замечено, что подобные нарративы имеют тенденцию к фольклоризации событий и типизации. Специалисты в области нарратологии отмечают, что о поругании храмов во время экспедиционных исследований информанты начинают рассказывать после вопросов собирателей об общей социально-экономической ситуации в стране в 1920–1930-е гг. [Буйских 2014, 264]. В этом случае создается коммуникативная ситуация, во время которой фиксируется необходимый фольклористам полевой материал. Устные рассказы об осквернении храмов звучат в контексте вопросов о событиях 1930-х гг., оставшихся в народной памяти, — коллективизация, репрессии, голод, закрытие, перепрофилирование и/или разрушение православных храмов. Пик записей и повествований о разрушении церквей пришелся на конец XX — начало XXI в. Информация исходит от старожилов — очевидцев и несвидетелей событий — и изобилует подробностями (имена и фамилии разрушителей и их потомков, родственные связи, даты и т. п.). Рассуждая о времени появления подобных рассказов, А. Б. Мороз отмечает: «...жанр легенд о наказании святотатцев актуализировался непосредственно в момент описываемых событий и корпус текстов о разрушении церквей сформировался по горячим следам, существовал на протяжении всего советского периода и реактуализировался в 1990-х гг., когда поменялась государственная идеология и отношение к вере» [Мороз 2014, 194].

Среди воспоминаний о разрушении храмов наибольший исследовательский интерес представляют устные рассказы с мотивом божественного наказания.

Именно этой группе текстов посвящено больше всего работ фольклористов [Добровольская 1997; 1999; Фадеева 2003; 2017; Иванова 2008; Мороз 2014; Дранникова 2020]. Вместе с тем в статьях указывается, что подобные повествования уже «уходят из репертуара вместе с поколением рассказчиков-очевидцев, так и не успев обрести жанровые черты христианской легенды» [Фадеева 2017, 89]. Н. В. Дранникова отмечает, что «рассказы с мотивом Божьей кары за святотатство считались наиболее устойчивой частью современной фольклорной традиции», однако «происходит уничтожение мотива наказания как части фабулы» [Дранникова 2020, 98].

В коми фольклористике до сих пор шел процесс накопления полевых материалов о разрушении церквей. Несколько текстов об осквернении храмов, записанных в разных районах Республики Коми, в переводе на русский язык приведены в работе В. В. Власовой, посвященной изменению сельского культурного ландшафта в советский и постсоветский периоды [Власова 2018, 75]¹. Вместе с тем функционирование устных рассказов о разрушении церквей в национальной фольклорной традиции (в данном случае коми) может представлять интерес для выявления стабильных мотивов и показать специфические новообразования.

Данная работа основывается на полевых экспедиционных материалах начала XXI в., записанных на средней Вычегде в Корткеросском районе Республики Коми среди верхневычегодских коми (сёла Большелуг, Богородск, Вомын, Додзь, Маджа, Керес, Нёбдино, Нившера, Пезмог, Сторожевск, поселки Аджером, Приозёрный, деревни Алексеевка, Боровск, Важкуръя, Визябож, Выльыб, Ивановка, Ивановская, Пасвомын, Русановская, Троицк). В незначительном количестве полевые материалы по рассматриваемой тематике имеются из других мест проживания коми — с верхней Вычегды (Усть-

¹ Подборка аутентичных текстов на коми языке о разрушенных церквях представлена в следующей работе: [Рассыхаев 2024].

Куломский р-н), с бассейна Сысолы, Лузы, Ижмы и Удоры. В исследовании привлекаются аутентичные нарративы с вопросами собирателей и репликами других участников беседы без выделения в них фольклорного рассказа определенного жанра, чтобы, с одной стороны, сохранить целостность и контекст исполнения [Каргополье 2009, 17], а с другой — показать нечеткость границ жанра в потоке речи (легенда, предание, устный рассказ, меморат, фабулат).

По отношению к нарративам нами используется термин *устный рассказ* как наиболее нейтральный, не вызывающий споров среди филологов [Дранникова 2020, 92]. Между тем к ряду текстов применим термин *легенда*. В. Е. Добровольская отмечает, что подобные фольклорные тексты наиболее близки по своим функциям к легендам, в них сильно дидактическое начало, к тому же они призваны предупредить человека о наказании за грех [Добровольская 1997, 77]. По мнению Л. В. Фадеевой, устные рассказы о разорении святыни, заключающие в себе наказание за совершенный грех, «обретают облик легенды о божьей каре» и стремятся сделать повествование назидательным [Фадеева 2003, 127]. Легендами называют аналогичные нарративы и другие исследователи [Иванова 2008; Мороз 2014]. Было опубликовано немало количество аутентичных текстов по русской традиции [Фольклор Судогодского края 1999; Каргополье 2009, 179–208; № 286–350], подготовлен Указатель сюжетов и мотивов [Петров 2019].

Во время бесед с информантами по темам, связанным с общественно-политическими процессами в СССР, событиями в коми селах и деревнях в 1920–1930-е гг., часто вспоминают о разрушениях православных храмов. Экспедиционные исследования в 2020-е гг. показывают, что практически не осталось старожилов, видевших осквернение церквей в 1930-е гг.: часть информантов в те годы были маленькими детьми и помнят события со слов родителей или односельчан. Исключение составляют рас-

сказы, в которых действия происходят в 1950–1980-е гг., когда были уничтожены ранее обезглавленные храмы, приспособленные под другие хозяйственные нужды, в основном склад, зернохранилище (сёла Вомын, Додзь, Нившера). Данное обстоятельство позволяет оценивать многие тексты не как воспоминания (рассказы) очевидцев, мемораты, «свидетельские показания» [Липатова 2019, 74], а прошедшие через фольклорное осмысление устные рассказы, строящиеся по определенной нарративной схеме.

В нашем распоряжении имеется почти сотня текстов, отличающихся содержанием, объемом, структурированностью, зафиксированных от информантов разных возрастов: от поколения 1920–1930-х гг. — детей — свидетелей разрушений; от поколения 1940–1960-х гг. — не очевидцев, а только слышавших о событиях 1920–1930-х гг. со слов старожилов (родителей, односельчан); от поколения 1970–1980-х гг. — многие из них только знают о существовании разрушенного храма или слышали об осквернении.

По подсчетам исследователей в Коми крае находилось 186 церквей и 233 часовни. Из них в разные годы утрачены 32 каменные и 52 деревянные церкви, 1 каменная и 202 деревянные часовни [Атлас 2001, 325]. Речь в данном исследовании пойдет о культовых сооружениях, расположенных в Корткеросском районе Республики Коми. Несколько церквей и часовен были осквернены (снесены кресты и колокола, разграблено имущество) в 1930-е гг. и использованы во внекультовых целях: каменная Никольская церковь в с. Большелуг, каменная церковь Рождества Пресвятой Богородицы в с. Богородск, деревянная церковь и каменная Введенская церковь в с. Сторожевск, каменная Прокопьевская церковь в с. Пезмог, каменная Сретенская церковь в с. Маджа, каменная церковь Вознесения Господня в с. Керес, каменная Пантелеймоновская церковь в д. Важкуръя, Введенская часовня в д. Тисте, Николаевская часовня в д. Боровск, Троицкая часовня в д. Троицк,

часовня в д. Лабором [Там же, 322–325, 516]. Некоторые храмы были уничтожены (разобраны по бревнам или сгорели) позже — в 1960–1980-х гг.: каменная Спасская церковь в Вомыне (1960-е), деревянная церковь Св. апостолов Петра и Павла в с. Додзь (1970-е), деревянная церковь Воскресения Христова в Нившере (1980-е) [Там же].

Работа с полевыми материалами показывает, что, как правило, мотив кары за осквернение святыни вычленяется в общем контексте рассказов о культовых зданиях. Во время вопросно-ответного диалога с собирателем информанты вспоминают не только связанные с разрушением события, но и раскрывают историю церковной жизни. В повествованиях часто звучат имена родственников, участвовавших в строительстве или обустройстве храма, сведения об обязанности по изготовлению всем миром кирпичей и их доставке в село, о судьбе священников и их детей, об участии родителей в церковных службах во время религиозных праздников (Пасха, Рождество и др.), обрядовых обходах вокруг деревни, об использовании здания храма в хозяйственных целях, продаже церковных кирпичей для строительства других зданий и кладки печей, отправке колоколов на переплавку и т. п.

«А до разрушения церкви здесь был священник, семья священника и семья дьячка. А как только церковь разобрали, их сразу куда-то увезли. Колокола сбросили сразу, коммунисты разрушили. А их куда-то выгнали отсюда, священника с семьей. И семью дьяка. Было два дома у церкви. Один <дом> у священника, другой — дьяка. Я это помню. Маленькая еще была. Не знаю, какой год был, когда церковь разрушили. Год не помню. Одна церковь была, длинная, сквозная. Сейчас уже и половина <церкви>

не стоит. А та сторона была новой, эта сторона была старее, другая <половина> церкви была совершенно новая. Сначала новую половину церкви разрушили, а через нее заходили петь. Во внутренней половине, видимо, зимой не пели, проводили песнопения в ближней половине. Видимо, печки нет или что. Я не знаю. Отчего-то вот на Пасху пели, на Пасху в новую церковь переходили петь. Или прихожан тогда было очень много, и поэтому. Не знаю, почему. В детстве колокола сняли»². (Зап. от Елизаветы Александровны Изъюровой, 1922 г. р., с. Пезмог, Корткеросский р-н, Республика Коми. Соб. А. Н. Рассыхаев. 2005 г.) [ПМА].

«Когда церковь закрыли, в тридцать седьмом году колокольню разобрали, потом здесь <в здании церкви> колхоз “Выль ордым” (Новый путь) <открыл склад>, семена здесь сушили. Мама говорит: “Сколько-то мешков пришлось на ногах здесь поднимать! Подняться не могу <вверх на второй этаж церкви>. <Сейчас без груза> на ногах не могу подняться”. После этого школе отдали под спортзал. <...> Поэтому и сохранилось <здание> — с клубом и библиотекой. Потом отопление сделали — наверху и внизу тепло, сухо. <Соб: А известны имена тех, кто колокола сбросил?> Может быть, в книге написано³. Они давно уже умерли. Кто сбросил, те плохо и умерли» (Зап. от Татьяны Федоровны Расовой, 1958 г. р., с. Богородск. Соб. А. Н. Рассыхаев. 2012 г.) [ФФ ИЯЛИ. А11103-7].

Некоторые воспоминания о церкви функционируют как семейные предания: дед поднимает и устанавливает крест на купол; дед собирает деньги для строительства храма; родственник служит в церкви звонарем, сторожем и т. д.: *«Вот эту <Прокопьевскую> церковь <в Пезмоге>, которую разрушили, у меня дед был, он со-*

² Здесь и далее представлены тексты в переводе автора статьи с коми языка на русский. Так как все тексты записаны в Корткеросском р-не Республики Коми, при последующем цитировании район и регион не указываются.

³ Речь о книге И. М. Панюкова, в которой со слов старожилов приведены некоторые факты о разрушении церкви в с. Богородске: храм разрушили в 1937 г., большой колокол взорвали на месте и увезли в райцентр в с. Сторожевск; после выгрузки на берег реки колокол утонул в грязи. Староста церкви не стал выдавать ключи от двери, поэтому двери были сломаны. В разрушении церкви участвовали 5–6 человек [Панюков 1999, 9].

бирал деньги <на строительство>, куда-то на Вятку ходил. Сейчас уже никто не знает, кто ее строил. Сам ходил деньги собирать. Меня он в церковь отводил и рассказывал мне. Он звонарем служил» (Зап. от Вячеслава Степановича Кутькина, 1930 г. р., с. Пезмог. Соб. А. Н. Рассыхаев. 2005 г.) [ПМА]. Сообщая о былой красоте и величии храма, информанты вставляют нотки сожаления о поругании святыни и необходимости восстановления в родных селах церквей по примеру других населенных пунктов.

Рассказы о разрушении церкви, как свидетельствуют наши полевые материалы, могут быть небольшими по размеру (от нескольких слов и предложений) и развернутыми. На объем повествования влияет ряд факторов. Как показывает многолетняя практика общения с информантами, содержательность и форма устных рассказов зависят от слушателей (повествование детям, родственникам или собирателям отличаются), половозрастных характеристик (женщины словоохотливы и эмоциональны, мужчины осторожничают), компетентности и способностей исполнителя. Менее эмоционально и недоверчиво высказываются о разрушении и возможной божьей каре мужчины: *«Наверно, церковь повлияла <на него> из-за того, что разрушил. По крайней мере, семью убил — жену и еще кого-то»* (Зап. от Ивана Григорьевича Мишарина, 1932 г. р., д. Выльыб. Соб. А. Н. Рассыхаев. 2015 г.) [ФФ ИЯЛИ. А11216-6].

Как правило, в устных рассказах об осквернении храма разрушителей святыни ждет наказание. Исследователи указывают, что «повествование строится по универсальной нарративной схеме, подразумевающей некоторую симметричность типов преступления и наказания» [Штырков 2012, 81]. Возмездие за небогудное дело соразмерно объему вины и распространяется как на неопре-

деленный круг лиц, так и на конкретных людей, участвовавших в разрушении, а также их потомков. Чаще всего осквернители святынь наказываются преждевременной (быстрой, скорой) и несчастной смертью, наступившей в результате длительной болезни (от рака и т. п.) или убийства [Шарапов 2001, 158; Власова 2018, 75].

«Церковь разрушили. Двоюродная сестра говорила — трактором растащили <бревна>. Уже после моего отъезда, я уехала оттуда в 1958 г. Где-то в 1960–1962-м гг. <разрушили>. Кто разрушил, одного, мол, парализовало, второй как будто тоже заболел. Есть же, наверно, какая-то <кара>» (Зап. от Веры Ивановны Каракчиевой, 1937 г. р. (урож. с. Додз, Корткеросский р-н), с. Пезмог. Соб. А. Н. Рассыхаев, Ю. А. Крашенинникова. 2005 г.) [ПМА].

«<Соб.: А старая церковь разрушилась или что случилось?> Нет. Там еще школа была. А около церкви прежде хоронили — вокруг были могилы, пригорки. Я не знаю, почему там, в центре деревни, хоронили. А мы потом вставляли на пригорки и прыгали. <Соб.: А там ведь рядом дома стояли?> Да, дома. Это ведь очень давно хоронили. А когда мы жили, тогда уже не хоронили. Предсельсовета заставил <распилить>. Сначала вместо склада использовали. Сначала на сцене выступали артисты с города. Мы концерты смотрели. <Соб.: Значит, клуб был в старой церкви?> Да, когда священника убрали, там клуб организовали. Там сцена и остальное было. С города приезжали выступать, пели, мы концерты смотрели. Валентина Есева⁴ еще была. Я не знаю других артистов, фамилии я забыла. Многие туда приезжали. <Соб.: Что стало со старой церковью — сгорела или разрушили?> Предсельсовета на дрова распилит. <Соб.: Кто тогда председательствовал?> N1⁵ тогда был председельсовета,

⁴ Есева Валентина Васильевна (1923–1990) — знаменитая коми певица, народная артистка Коми АССР (1967).

⁵ Из этических соображений в дальнейшем некоторые имена и фамилии в текстах заменены условными обозначениями N (N1 и т. д.).

он велел распилить. Пóдь⁶ был. Я не знаю, как по имени звали этого Пóдь! <Соб.: Мефодий, наверно?> Не знаю. Ему велели распилить. А люди говорят: нельзя, мол, церковь пилить, ни сжечь нельзя. А после этого того, кто распилил, его убили. Один человек убил, у Марины — N2. Мол, несчастье может случиться. А жена председельсовета потом тоже умерла: в желчном пузыре были камни, и ее не смогли спасти. И потом семья у него, был сын — N3, тоже рано парализовало, и он умер. Его, наверно, знаешь, нет?! Люди говорили: нельзя, мол, церковь пилить и на дрова пустить. А церковь сначала смотрелась прилично. Потом все разрушили. <Соб.: Его, значит, Бог наказал, да?> Да, так люди говорят, что Бог наказывает. <Соб.: А в каком году церковь распилили?> Я вот точно не знаю, в каком году. Я работала, в <19>70-х гг., наверно» (Зап. от Валентины Ивановны Коюшевой, 1937 г. р. (урож. п. Мордино, Корткеросский р-н), с. Додзь. Соб. А. Н. Рассыхаев. 2022 г.) [ФФ ИЯЛИ. А11353-4].

Разрушители храмов в качестве наказания получают увечья («нога сломалась»), попадают в тюрьму, откуда больше не возвращаются, что также можно расценивать как его вероятную смерть: «Там есть верхний ручей, за ручьем стоял дом моего отца. С дома отца видна церковь. Когда колокола стали сбрасывать, я была еще маленькая, и побежали туда глазеть. Ой! У одного мужчины даже нога сломалась, когда колокола сбрасывали. Сломалась <нога>. Вот это помню. Куда-то все увезли. Все колокола увезли. Все иконы коммунисты выбросили и сожгли. Очень веселой была Пезмогская церковь, очень светлой» (Зап. от Елизаветы Александровны Изьюровой, 1922 г. р., с. Пезмог. Соб. А. Н. Рассыхаев. 2005 г.) [ПМА].

В ряде устных рассказов утверждается, что святотатец лишается рассудка, его охватывает безумство, а шизофрения затем распространяется на его детей:

«Церковь <Вознесения Господня> в Кересе была. Между Малым Кересом и Большим Кересом стояла каменная церковь. Крест с нее сбросил соседский мужчина. У него было четверо детей. И бабы, мамы, потом жалеют, мол, четыре дурачка будут у того, кто с крыши сбросил крест. Вот, есть ли грех или нет? Я не знаю. Наверно, есть. Сейчас еще говорят, мол, Бог дал жизнь на земле, но из-за дурного нрава вся жизнь на земле исчезнет. Сами, мол, и уничтожают. Все друг друга <уничтожают>. <...> <Соб.: А кто крест сбросил, у него дети потом...> Обезумели. N-дурачок. Фамилия N из Кереса, может, слышали. Он и сбросил крест. Было, наверно, у него пятеро или четверо детей, и мама говорит: так прозвище и закрепилось — N-дурачки» (Зап. от Галины Прокопьевны Латкиной, 1934 г. р. (урож. д. Лабором, Корткеросский р-н), с. Сторожевск. Соб. А. Н. Рассыхаев. 2017 г.) [ФФ ИЯЛИ. А11268].

Погибель разрушителя на войне, без уточнений и конкретизаций вида смерти, тоже рассматривается как вариант наказания высших сил. Особенно при сопоставлении с судьбами других односельчан, слывших верующими и не участвовавших в поругании:

«Наш отец был председельсовета. А бабушка (мать матери. — А. Р.) говорила: “Микулай, — он будет бабушке зятем, — Микулай, не трогайте церковь, не трогайте церковь — Бог накажет!” Потом как началась война, всех мужчин стали забирать, и наша бабушка, покойница, говорила: “Вот, мол, церковь трогали и, наверно, голову придется сложить!” А у нашей бабушки (матери отца. — А.Р.), тоже ее называли ыджид мам⁷ ‘бабушка’, три сына — наш отец, потом N1 и N2 — все трое погибли. На войне погибли. А у Кирилла Федоровича — они были верующими, у них все возвратились: кто без одной руки, кто без одной ноги, все пришли. А от бабушки, покойницы, я слышала: “Вот, Микулай, коль церковь разруши-

⁶ Пóдь ‘Подъязык’ — прозвище жителя, заядлого рыбака.

⁷ На верхневычегодском диалекте коми языка бабушку по отцовской линии называют пóч.

ли, вот и придется голову сложить!» (Зап. от Тамары Николаевны Габовой, 1932 г. р., с. Богородск. Соб. Л. С. Лобанова. 2012 г.) [ФФ ИЯЛИ. А11127-14].

Использование здания храма, церковного кирпича и религиозной утвари (иконы в качестве дверей, полки, подставки) в иных целях также приравнивается к святотатству. Обычно нынешние информанты называют молодежные танцы в переоборудованных под клуб часовнях и церквях кощунством, а болезни ног в пожилом возрасте как некое наказание за неподобающее поведение. В рассматриваемых записях нет наказания святотатцев глухотой или немотой, замеченного в материалах русской прозы [Добровольская 1997, 79–80].

В качестве осквернителей в нарративах может выступать обобщенный образ — преимущественно это представители новой советской власти: большевики, люди партийные, коммунисты, руководитель сельсовета или председатель колхоза, на должности которых назначались члены КПСС. Типичные образы коммунистов (партийцев) наиболее распространены и в рассказах о разрушении храмов на русском языке, записанных на Европейском Севере-Востоке России [Добровольская 1997, 80; Фадеева 2003, 124; Каргополье 2009, 518]. Вина за уничтожение святыни перекладывается также на вождя пролетариата товарища Ленина: «*Сіе лёктэ Лениныд, конер, вѣчис*» (Все эти несчастья сотворил Ленин, бедняжка) (Зап. от Татьяны Демьяновны Моториной, 1927 г. р., с. Нившера. Соб. Л. С. Лобанова. 2013 г.) [ФФ ИЯЛИ. А11140-26].

В фольклоре коми не замечено такого противостояния по этнической принадлежности между святотатцами и местными жителями, обнаруженного в одной из национальных фольклорных систем. Скажем, в украинской традиции «наблюдается отождествление всех пришедших туда в разные исторические периоды большевиков, красноармейцев, энкаведистов, мелких партийных активистов именно с русскими, независимо от их собственной этничности» [Буйских

2014, 269]. Национальная принадлежность в устных рассказах верхневычегодских коми ни разу не упоминается.

В воспоминаниях информантов 1920–1930-х гг. часто указываются имена и фамилии людей, причастных к событиям, оставившим неизгладимый след в жизни сельского социума. Героями устных рассказов чаще становятся не пришлые люди, приехавшие в село по поручению вышестоящих начальников, а свои люди — соседи, односельчане, родственники, занимавшие в то время активную позицию в партийных органах. На эту особенность обращается внимание и в работах по русской устной прозе (кроме уже указанных, и в работе А. П. Липатовой [Липатова 2020, 108]).

«Здесь ведь была церковь Василия Великого, около клуба, большая церковь. Потом и уничтожили церковь, когда Советский Союз появился, коммунисты появились. И колокольню разобрали, всё сломали. Вот кто ломал, все умерли плохой смертью. Вот, Господь наказал» (Зап. от Александры Матвеевны Жижевой, 1928 г. р. (урож. д. Тист, Корткеросский р-н), с. Нившера. Соб. А. Н. Рассыхаев, Л. С. Лобанова. 2013 г.) [Там же. А11151-7].

Большое количество текстов записано о Никольской церкви в Большелуге: *«Большевики, новую власть установившие, конечно, разрушили <церковь>. <Соб.: Разрушили церковь, а Бог наказал их, нет?> По рассказам людей, один мужчина поднялся на церковь и сбросил крест. Растоптал крест, упавший на землю. “Если Бог есть, мол, пусть накажет меня!” Пусть, мол, накажет. А Бог наказал! Он убил, своих детей убил и жену убил. Его самого, не знаю, конечно, в тюрьму отправили, наверно. Тоже по рассказам людей это я говорю. Сама не знаю»* (Зап. от Розы Максимовны Никифоровой, 1933 г. р., с. Большелуг. Соб. А. Н. Рассыхаев. 2019 г.) [ФФ ИЯЛИ. А11321-2].

Нарративы об осквернении храмов строятся по универсальной схеме: поругание святыни — божье наказание святотатца. Однако в большелугской традиции кара посылается не только на участников

разрушений церкви, но и на других членов семейства. Кара (убийство жены и ребенка после употребления спиртного) приходит сразу или через какое-то время и настигает родственников. Кроме того, устные рассказы транслируют идею о распространении божьего наказания на семь поколений. В качестве доказательств рассказчики приводят новые факты кары за поругание святыни, распространившейся на род святотатца, — несчастная смерть и тяжелые увечья, пожар, суицид и др. Этой группе текстов, насыщенной драматизмом и психологизмом, посвящена отдельная работа.

На примере большелугской фольклорной традиции замечаем вариативность имен (разрушителя, членов его семьи), хронотопа (действие происходит сразу после разрушения или позже), возраста детей, последовательности событий. Разные по возрасту информанты ссылаются в своих рассказах на то, что слышали о разрушении и наказании святотатцев от односельчан. Данные факты демонстрируют степень распространенности устных рассказов о разрушении церквей и естественность в народной прозе. Возможно, при дальнейшем хронологическом отдалении от трагических событий среди верхневыхегодских коми будут преобладать те же тенденции, отмеченные в работах русских исследователей: обеднение репертуара («уходят вместе с поколением рассказчиков-очевидцев»), отсутствие межпоколенной передачи информации («не произошла передача прозаических произведений из поколения в поколение») [Фадеева 2017, 89, 102].

Мотив божьей кары зафиксирован не во всех населенных пунктах, где были записаны тексты о разрушении церкви. Скажем, в Сторожевске новым храмом, построенным в 1912–1917 гг., в культовых целях пользовались мало [Атлас 2001, 516], здание постоянно эксплуатировалось, отапливалось и находится в удовлетворительном состоянии. В народной традиции этого села нам не удалось записать устных рассказов об осквернении этого храма.

О божественной каре за разрушение церкви информанты в своих рассказах иногда не упоминают, видимо, из-за опасений возможного осуждения и недопонимания со стороны собирателей или односельчан. Однако отсылка рассказчиков на то, что участников осквернений давно уже нет в живых, недоговоренности о дальнейшей судьбе разрушителей, сопоставление с другими устными рассказами из той же микролокальной традиции позволяют говорить о том, что смерть связывается именно с божественной карой за содеянное.

«Так-то церковь стояла, но я уже эту церковь <не помню>... Ну, конечно, видела, но уже разрушенную. Муж рассказывал, что мы, мол, оттуда извлекали кирпичи. Кирпичи извлекали, продавали. <...> Не знаю, кто начал разрушать, но в годы разрушения здесь руководителями были отец Арсентьевича — предсельсовета или предколхоза, не знаю, и второго Володя (ее муж. — А. Р.) еще называл, мол, N1. Кажется, отца у Яна называл. Но я это не знаю. Как-то в <19>53-м г. уже, у Арсентьевича в пятьдесят третьем году уже отец умер. А кто до них был <председателем>, уже не знаю. Тогда, значит, они и начали разрушать, N1. <Соб: Он был председателем колхоза?> Или <председатель> колхоза или сельсовета — один из них. И вот они, два председателя: один — <председатель> колхоза, другой — <председатель сельсовета>. Я не застала их, предколхоза. <Соб: Не было слышно, что они умерли плохо или что?> Плохо — не плохо, N1, он на трех войнах был: в 1905 г., 1917 г. и 1941 г. На корабле работал после войны, когда возвратился. Но он умер от рака — рака горла» (Зап. от Альбины Трофимовны Каракчиевой, 1941 г. р., с. Вомын. Соб. А. Н. Рассыхаев. 2023 г.) [ПМА].

На основе экспедиционных материалов начала XXI в. есть возможность проследить изменения в рассказывании нарративов о разрушении церквей. Если в устных рассказах, зафиксированных от 80–90-летних информантов (поколение 1920–1930-х гг.) и уже не являющихся сви-

детелями разрушений, довольно много подробностей, причинно-следственных связей, психологических и драматических коллизий, то всего этого очень мало в повествованиях людей, родившихся в послевоенное время. В рассказах взрослых, лет 60–70 (поколение 1940–1950-х гг.), вспоминающих о церквях и разрушении уже со слов своих родителей и односельчан, все меньше подробностей о деталях, виде наказаний за святотатство, но остается основная схема для данного типа нарративов: разрушение — кара за поругание святыни. Для поколения 1920–1940-х гг. святотатцы известны: могут назвать их по именам, а также их родственников и потомков до настоящего времени. Для поколения более молодого действующий персонаж часто обезличен, их нарративы

незначительны по объему, суховаты, менее эмоциональны.

В целом устные рассказы на коми языке имеют много общего с русской фольклорной прозой в трактовке событий и функционировании мотива божьего наказания за осквернение святынь. Отличительными особенностями можно назвать отсутствие в верхневычегодской коми традиции кары в виде немоты или глухоты. Также не акцентируется внимание на национальной принадлежности разрушителя храма, что было замечено в украинской традиции. В фольклоре коми в начале XXI в. повествования продолжают функционировать среди неочевидцев событий, а божье наказание почти всегда настигает святотатца.

Источники и материалы

Каргополье 2009 — Каргополье: Фольклорный путеводитель (предания, легенды, рассказы, песни, присловья) / Сост. М. Д. Алексеевский, В. А. Комарова, Е. А. Литвин, А. Б. Мороз, Н. В. Петров; Под общ. ред. А. Б. Мороза. М.: ОГИ, 2009. 616 с.

Панюков 1999 — Панюков И. М. Висер вожда сэтчӧс олысьяс йылысь пасйӧдъяс [Заметки о Вишерском крае и его жителях]. Корткерос: [б.и.], 1999. 107 с. На коми яз.

Фольклор Судогодского края 1999 — Фольклор Судогодского края / Сост. В. Е. Добровольская, И. А. Морозов, В. Г. Смолицкий. М.: ГРЦРФ, 1999. 336 с.

ФФ ИЯЛИ — Фольклорный фонд Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН (г. Сыктывкар, Республика Коми).

Исследования

Атлас 2001 — Атлас Республики Коми / Науч. ред. Э. А. Савельева. М.: Изд-во ДИК, 2000.

Буйских 2014 — Буйских Ю. «Кара Божья» и «Чудо Господнее» в рассказах об осквернении святынь в текстах современной украинской крестьянской традиции // *Acta Baltico-Slavica*. 2014. 38. S. 263–278.

Власова 2018 — Власова В. В. Изменение культурного ландшафта в советский и постсоветский периоды: сельские храмы и кладбища (на примере Республики Коми) // *Вестник Томского государственного университета*. 2018. № 432. С. 74–85.

Добровольская 1997 — Добровольская В. Е. Несказочная проза о разрушении церквей // *Славянская традиционная культура и современный мир: Сб. матер. науч.-практ. конф. Вып. 2. М.: ГРЦРФ, 1997. С. 76–88.*

Добровольская 1999 — Добровольская В. Е. Несказочная проза о разрушении церквей // *Русский фольклор: Матер. и исследования. Т. XXX. СПб.: Наука, 1999. С. 500–512.*

Дранникова 2020 — Дранникова Н. В. Разрушение православных церквей и культовых сооружений в повествовательной традиции Архангельской области // *Традиционная культура*. 2020. Т. 21. № 2. С. 91–102.

Иванова 2008 — Иванова А. В. Разрушение храмов и гонение на православие в контексте устной истории Кенозерья // *Народные культуры Европейского Севера: Матер. респ. науч. конф. (г. Архангельск, 15–17 октября 2007 г.) / Отв. ред. Н. В. Дранникова. Архангельск: Изд-во Помор. ун-та, 2008. С. 147–155.*

Липатова 2019 — Липатова А. П. Вариативность легенды. М.: РГГУ, 2019. 215 с.

Липатова 2020 — Липатова А. П. Рассказы о разрушении святыни в контексте цикла: наблюдение над одной закономерностью // *Традиционная культура*. 2020. Т. 21. № 2. С. 103–114.

Мороз 2000 — Мороз А. Б. Устная история русской церкви в советский период (народные предания о разрушении церквей) // *Ученые записки Российского православного университета ап. Иоанна Богослова. М., 2000. Вып. 6. С. 177–185.*

Мороз 2014 — Мороз А. Б. Разрушение церквей в советский период: два взгляда // *Historia mówiona w świetle nauk humanistycznych i społecznych*. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2014. S. 187–195.

Петров 2009 — Петров Н. В. Указатель сюжетов и мотивов к разделам «Легенды и предания», «Рассказы о старовеерах и скрытниках», «Присловья» // Каргополье: Фольклорный путеводитель (предания, легенды, рассказы, песни, присловья) / Сост. М. Д. Алексеевский, В. А. Комарова, Е. А. Литвин, А. Б. Мороз, Н. В. Петров; Под общ. ред. А. Б. Мороза. М.: ОГИ, 2009. С. 495–539.

Рассыхаев 2024 — Рассыхаев А. Н. Коми фольклорын вичкояс кисьгём йылысь висьгъяс [Рассказы о разрушении церквей в коми фольклоре] // *Коми филология*. 2024. Вып. 11–12. С. 191–201. На коми яз.

Фадеева 2003 — Фадеева Л. В. Рассказы о разорении святыни в современной устной традиции Пинежья: (К проблеме специфики сюжета и жанра) // *Локальные традиции*

в народной культуре Русского Севера: Матер. IV Междунар. науч. конф. «Рябининские чтения – 2003». Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2003. С. 123–126.

Фадеева 2017 — Фадеева Л. В. Рассказы о поругании святынь в исторической памяти севернорусской деревни (конец XX — начало XXI века) // *Человек и событие в исторической памяти*: Сб. ст. / Отв. ред. Ю. А. Крашенинникова. Сыктывкар: Изд-во ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2017. С. 89–103.

Шарапов 2001 — Шарапов В. Э. Живая традиция: заветные и храмовые праздники у современных сельских коми // *Христианство и язычество народа коми* / [Сост. и науч. ред. Н. Д. Конаков]. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2001. С. 148–168.

Штырков 2012 — Штырков С. А. Предания об иноземном нашествии: крестьянский нарратив и мифология ландшафта (на материалах Северо-Восточной Новгородчины). СПб.: Наука, 2012. (Kunstkamera Petropolitana).

© А. Н. Рассыхаев, 2025

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Рассыхаев А. Н. orcid.org/0000-0002-1927-3987

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора фольклора Института языка, литературы и истории ФИЦ "Коми научный центр Уральского отделения РАН": 167982, ГСП-2, Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26, тел.: +7 (8212) 20-17-02, e-mail: rassyhaev@mail.ru

The Motif of God's Punishment for the Destruction of Temples in Oral Stories of the Upper Vychegda Komi

Alexey N. Rassykhaev

(Institute of Language, Literature and History of the Federal Research Center "Komi Scientific Center, Ural Division of the Russian Academy of Sciences": 26, Kommunisticheskaya str., Syktyvkar, 167982, Russian Federation)

Summary. This article is based on expeditionary materials of the early twenty-first century, recorded from Upper Vychegda Komi in the Kortkeros district of the Komi Republic. For the first time, it describes oral stories of the Upper Vychegda Komi folklore tradition that include the motif of God's punishment for the desecration of churches. These recordings show that narratives of church destruction in the Soviet period do not pass out of the repertoire with the older generation of eyewitness storytellers but continue to function in stories related by later non-eyewitnesses of the events. The motif of God's punishment almost always accompanies stories about sacrilege. Perpetrators are punished by an early death (e.g. death in war or because of

an accident), diseases, injuries, or mental disorders. God's punishment is meted out to sinners and their family members "up to the seventh generation." It is considered sacrilege to destroy a church or chapel; removing crosses and domes; desecration of icons; and the use of church bricks and religious objects for monetary gain. The Komi stories do not focus on the nationality of the perpetrators, something that may be seen, for example, in the Ukrainian tradition. Often the defilers are men from the village who are representatives of the Soviet government (Communists, Party members, the chairman of the rural council or kolkhoz, police officers, etc.) who follow the instructions of their superiors. Notably, these Komi oral stories have much in common with Russian folklore prose in the interpretation of similar events that also includes the motif of God's punishment for the destruction of churches.

Key words: Komi folklore, Komi oral non-fiction prose, oral stories, destruction of churches, God's punishment.

Received: June 17, 2024.

Date of publication: June 25, 2025.

For citation: Rassykhaev A. N. The Motif of God's Punishment for the Destruction of Temples in Oral Stories of the Upper Vychegda Komi. *Traditional Culture*. 2025. Vol. 26. No. 2. Pp. 60–71. In Russian.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2025.26.2.004>

References

Buiskikh Yu. (2014) «Kara Bozh'ya» i «Chudo Gospodnee» v rasskazakh ob oskvrnenii svyatyn' v tekstakh sovremennoi ukrainskoi krest'yanskoi traditsii ["God's Punishment" and "A Miracle of the Lord" in Stories About the Desecration of Shrines in Texts of the Contemporary Ukrainian Peasant Tradition]. *Acta Baltico-Slavica*. 2014. Vol. 38. Pp. 263–278. In Russian.

Dobrovol'skaya V. E. (1997) Neskazochnaya proza o razrushenii tserkvei [Nonfictional Prose about the Destruction of Churches]. In: Slavyanskaya traditsionnaya kul'tura i sovremenniy mir [Slavic Traditional Culture and the Modern World]. Vol. 2. Moscow: GRTSRE. Pp. 76–88. In Russian.

Dobrovol'skaya V. E. (1999) Neskazochnaya proza o razrushenii tserkvei [Nonfictional Prose about the Destruction of Churches]. In: Russkiy fol'klor [Russian Folklore]. Vol. XXX. St. Petersburg: Nauka. Pp. 500–512. In Russian.

Drannikova N. V. (2020) Razrusheniye pravoslavnykh tserkvei i kul'tovykh sooruzhenii v povestvovatel'noi traditsii Arkhangel'skoi oblasti [The Destruction of Orthodox Churches and Religious Structures in the Narrative Tradition of the Arkhangelsk Region]. *Traditsionnaia kul'tura* [Traditional Culture]. 2020. Vol. 21. No. 2. Pp. 91–102. In Russian.

Fadeeva L. V. (2003) Rasskazy o razorenii svyatyni v sovremennoi ustnoi traditsii Pinezh'ya (K probleme spetsifiki syuzheta i zhanra) [Stories about the Destruction of Shrines in the Modern Oral Tradition of Pinega (On the Problem of the Specifics of Plot and Genre)]. In: Lokal'nye

traditsii v narodnoi kul'ture Russkogo Severa [Local Traditions in the Folk Culture of the Russian North]: Proc. of the IV Int. Scholarly Conf. "Ryabinin Readings-2003". Petrozavodsk: KaRNTS RAN. Pp. 123–126. In Russian.

Fadeeva L. V. (2017) Rasskazy o poruganii svyatyn' v istoricheskoi pamiati severnorusskoi derevni (konets XX — nachalo XXI veka) [Stories about the Desecration of Shrines in the Historical Memory of the North Russian Village (End of the Twentieth – Beginning of the Twenty-First Century)]. In: Chelovek i sobytie v istoricheskoi pamiati [Man and Event in Historical Memory]. Ed. by Yu. A. Krasheninnikova. Syktyvkar: Izd-vo IYALI Komi NTS URO RAN. Pp. 89–103. In Russian.

Ivanova A. V. (2008) Razrushenie khramov i gonenie na pravoslavie v kontekste ustnoi istorii Kenoz'er'ia [The Destruction of Temples and the Persecution of Orthodoxy in the Context of the Oral History of Kenozero]. In: Narodnye kul'tury Evropeiskogo Severa [The Folk Cultures of the European North]. Ed. by N. V. Drannikova. Arkhangel'sk: Izd-vo Pomor. un-ta. Pp. 147–155. In Russian.

Lipatova A. P. (2019) Variativnost' legendy [The Variability of Legends]. Moscow: RGGU. In Russian.

Lipatova A. P. (2020) Rasskazy o razrushenii svyatyni v kontekste tsikla: nablyudenie nad odnoi zakonomernost'yu [Stories About the Destruction of a Shrine in the Context of a Cycle: Observing a Particular Pattern]. *Traditsionnaia kul'tura* [Traditional Culture]. 2020. Vol. 21. No. 2. Pp. 103–114. In Russian.

Moroz A. B. (2000) Ustnaia istoriia russkoi tserkvi v sovetskii period (narodnye predaniia o razrushenii tserkvei) [Oral History of the Russian Church in the Soviet Period (Folk Legends about the Destruction of Churches)]. *Uchenye zapiski Rossiiskogo pravoslavnogo universiteta ap. Ioanna Bogoslova* [Scientific Notes of the Russian Orthodox University of the Apostle John the Theologian]. 2000. Vol. 6. Pp. 177–185. In Russian.

Moroz A. B. (2014) Razrushenie tserkvei v sovetskii period: dva vzglyada [Destruction of Churches in the Soviet Period: Two Views]. In: *Historia mówiona w świetle nauk humanistycznych i społecznych* [Oral History in the Light of the Humanities and Social Sciences]. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej. Pp. 187–195. In Russian.

Petrov N. V. (2009) Ukazatel' syuzhetov i motivov k razdelam «Legendy i predaniya», «Rasskazy o staroverakh i skrytnikakh», «Prislov'ya» [Index of Plots and Motifs in the Sections “Legends and Traditions,” “Stories about Old Believers and Skrytyniks,” “Proverbs”]. In: *Kargopol': Fol'klorny putevoditel' (predaniya, legendy, rasskazy, pesni, prislov'ya* [Kargopol: Folklore Guide (Traditions, Legends, Stories, Songs, Proverbs)]. Ed. by A. B. Moroz. Moscow: OGI. Pp. 495–539. In Russian.

Rassykhaev A. N. (2024) Komi folklorny vichkoyas kistöm yylys vistyas [Stories about the

Destruction of Churches in Komi Folklore]. *Komi filologiya* [Komi Philology]. 2024. Vol. 11–12. Pp. 191–201. In Komi.

Savel'yeva E. A. (ed.) (2000) Atlas Respubliki Komi [Atlas of the Komi Republic]. Moscow: Izd-vo DIK. In Russian.

Sharapov V. E. (2001) Zhivaia traditsiia: zavetnye i khramovye prazdniki u sovremennykh sel'skikh komi [Living Tradition: Sacred and Church Holidays Among Modern Rural Komi]. In: *Khristianstvo i iazychestvo naroda komi* [Christianity and Paganism of the Komi People]. Ed. N. D. Konakov. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo. Pp. 148–168. In Russian.

Shtyrkov S. A. (2012) Predaniia ob inozemnom nashestvii: krest'ianskii narrativ i mifologiya landshafta (na materialakh Severo-Vostochnoi Novgorodchiny) [Oral Tradition About Foreign Invasion: Peasant Narrative and the Mythology of the Landscape (On Materials of North-Eastern Novgorod)]. St. Petersburg: Nauka. (Kunstkamera Petropolitana). In Russian.

Vlasova V. V. (2018) Izmenenie kul'turnogo landshafta v sovetskii i postsovetskii periody: sel'skie khramy i kladbishcha (na primere Respubliki Komi) [The Changing Cultural Landscape in the Soviet and Post-Soviet Periods: Rural Temples and Cemeteries (On the Example of the Komi Republic)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Herald]. 2018. No. 432. Pp. 74–85. In Russian.

© A. N. Rassykhaev, 2025

ABOUT THE AUTHOR

Alexey N. Rassykhaev <https://orcid.org/0000-0002-1927-3987>

E-mail: rassyhaev@mail.ru

Tel.: +7 (8212) 20-17-02

26, Kommunisticheskaya str., Syktyvkar, 167982, Russian Federation

PhD in Philology, Senior Researcher, Folklore Department, Institute of Language, Literature and History, Komi Scientific Center, Uralic Branch, Russian Academy of Sciences

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)